

НОВОЕ В ИЗУЧЕНИИ НАСЛЕДСТВА ВЕЛИКОГО РУССКОГО УЧЕНОГО

А. В. ЗАПОРОЖЕЦ

(Москва)

Каждый новый период в развитии знания сдвигает нашу историческую апперцепцию, побуждает с новых позиций оценить прошлое науки, ее истоки и традиции. Учение Сеченова основательно изучено философами, психологами, физиологами и историками культуры. Написано о нем много. И естественно, что беря в руки еще одну работу о Сеченове, прежде всего задаешься вопросом: добавляет ли она что-либо к сложившемуся образу, изменяет ли что-либо в устоявшихся взглядах?

Достоинство рецензируемой книги в том, что автор подошел к сеченовскому наследию с новыми задачами и методом анализа историко-научного процесса. Это выразилось прежде всего в том, что эволюция сеченовских идей трактуется в теснейшей связи с общей логикой развития знаний о мозге и психике — от Декарта до наших дней.

При оценке любой исторической фигуры велик соблазн модернизации. И чем фигура значительней, тем больше соблазн. Избежать этого можно лишь строго следуя принципу историзма, рассматривая идеи и открытия в том конкретно-историческом контексте, в котором они возникли, развились и сменились другими. Именно этим путем пошел автор, показав укорененность сеченовской концепции в сложном и полном противоречий процессе формирования знаний об организме и его нервно-психической деятельности.

Учение Сеченова было подготовлено всем предшествующим «надиндивидуальным» ходом развития физиологии и психологии. Вместе с тем, оно запечатлело своеобразие индивидуально-неповторимого пути, пройденного этой замечательной личностью. Оно не было продуктом единовременного творческого порыва, а эволюционировало на протяжении полувека. И эта эволюция отражала те требования, которые предъявляла к отдельной личности логика науки. Сама же логика науки, как

подчеркивает автор, «существует и развивается только как реальное орудие исследования, используемое людьми соответственно их потребностям, социальная сущность которых очевидна» [стр. 10]. Эта мысль является для автора лейтмотивом и каждый новый момент в развитии сеченовского учения рассматривается им как эффект взаимодействия трех факторов — логического, социального и индивидуально-психологического. Именно этим взаимодействием объясняются различные факты сеченовской биографии — такие, например, как переключение с изучения электрофизиологии нервов и мышц на изучение функций мозгового ствола, переход на многие годы к исследованию газов крови, отказ продолжать работу над «Физиологией органов чувств», выдвижение программы построения объективной психологии, коренная переделка своего важнейшего философско-психологического произведения «Элементы мысли» и др.

Казалось бы, перед нами флюктуации творчества и не более. В действительности же эти флюктуации отражали определенную закономерность, в раскрытии которой заслуга автора рецензируемой книги. Чтобы понять систему идей Сеченова, недостаточно ограничиться каким-либо отдельным трудом, даже если этот труд — прославленные «Рефлексы головного мозга». Изменения во взглядах Сеченова поучительны для понимания не только его собственного формирования как творческой личности. Они дают возможность вскрыть общие тенденции становления научной физиологии и психологии.

О том, что между работой Сеченова в физиологии и его работой в области психологии существовала теснейшая внутренняя связь, написано немало. Но этот вывод, как отмечает М. Г. Ярошевский, носит слишком общий характер, чтобы объяснить смысл преобразований, произведенных Сеченовым в обеих науках. Сеченовская заслуга не в том, что он распространил принцип рефлекса на головной мозг (и до Сеченова выдвигалась эта идея), а в том, что он само понятие о рефлексах наполнил

¹ М. Г. Ярошевский. Иван Михайлович Сеченов. М., Изд-во «Наука», 1968.

принципиально новым содержанием. Это, в свою очередь, позволило ему «смоделировать» психический акт по образцу физиологического.

Выявляя корни сеченовской трактовки рефлекса, М. Г. Ярошевский приходит к выводу, что они лежат в развитии принципа саморегуляции, распространенного с «растительных актов» (уровень гомеостазиса) на приспособительное поведение. Это чрезвычайно важный вывод. Из него вытекает, что Сеченов как бы сомкнул две линии биологического мышления, которые развивались самостоятельно: учение о гомеостазе (его творцом, как известно, принято считать К. Бернара) с учением Ч. Дарвина.

Раскрытие саморегуляции системных функций позволило мыслить по единому типу не только внутриорганические отношения и отношения между организмом и средой: не психика как особая духовная сущность прилаживает к ней тело, а механизм, подобный гомеостатическому. Он «засекает» изменения в среде с помощью органов чувств, перерабатывает получаемые афферентные импульсы в эфферентные сигналы, посылая их исполнительным органам, которые автоматически наводят мышцы на цель.

Такое понимание рефлекса принципиально отличалось от декартовского, принятого механистической физиологией.

Рефлекс понимался Сеченовым как согласование движения с выполняющим сигнальную роль чувствованием (Сеченов ввел и сам термин «сигнал»). Исходя из единой регуляционной схемы, Сеченов охватил самые различные уровни активности организма от газообмена и приспособительных реакций обезглавленной лягушки до «умозаключений» глаза и «элементов мысли». Это величайшее по силе обобщение позволило ему как отмечает автор, по-новому представить и психические акты. Какой бы сложности они ни достигали по своей структуре и какие бы изменения они ни претерпевали в ходе своего формирования, по «способу происхождения» (говоря сеченовским языком), они остаются рефлексобразными.

Коренным преобразованием самого строя психологического мышления (М. Г. Ярошевский характеризует его как «категориальный строй») явилось сеченовское представление о целостности психического акта, трехчленного по своей структуре. В область психологического исследования включались явления, считавшиеся прежде чисто физическими (стимул, сигнал) и чисто физиологическими (мышечная работа).

На этом и базировался сеченовский замысел создания объективной психологии. Этот замысел сложился в эпоху, когда логика развития научной мысли поставила на повестку дня вопрос о преобразовании психологии в самостоятельную дисциплину. В противовес сторонникам так называемой «опытной школы», полагавшим, что психология отличается от других наук тем, что

изучает «непосредственный опыт», Сеченов доказывал, что психологические объекты познаются только опосредствованно, и последующая история подтвердила правоту сеченовской позиции.

Автор отмечает, что «мы снизим смысл и пафос сеченовского выступления против субъективного метода, если все сведем к критике интроспекции (внутреннего зрения) и требованию заменить ее объективным методом, т. е. изучением психики по ее объективным проявлениям. За объективный метод (в этом смысле) как дополнение к субъективному стояла вся опытная школа и даже Кавелин, который предлагал ввести в психологию такой объективный материал, как творения культуры»...

С другой стороны, сам Сеченов подчеркивал, что «одна из наиболее выдающихся сторон психических явлений — сознательный элемент — может подлежать исследованию только на самом себе, при помощи самонаблюдения» [стр. 277].

Сеченов выступал не против самонаблюдения (способность человека к самоанализу и самоотчету он объяснял из основных начал рефлекторной теории), а против учения о «внутреннем зрении» («интроспекции»). Это учение включает не только положение о том, что имеется помимо органов чувств другой канал для приобретения информации о внутреннем мире сознания, но и постулат о том, что этот мир построен из сущностей, лежащих по ту сторону телесного.

Автор показывает, что задача, возникающая перед Сеченовым в связи с его планом создания объективной психологии, состояла в переходе к опытному анализу нервно-психических актов. Но какая эмпирия имела в распоряжении Сеченова? На какой опытный материал он мог тогда опереться? Ведь психология как опытная наука только зарождалась, притом ее эмпирический материал на первых порах касался ограниченной области — деятельности органов чувств. Фактической основой психологической концепции Сеченова явилось «систематическое и целенаправленное наблюдение за поведением — от младенчества до юношеского возраста» [стр. 274].

Сеченов, как отмечает автор, не только на десятилетие опередил поток исследований по детской психологии, но и ввел в этот нарождавшийся раздел психологической науки новые объяснительные понятия, в частности, принцип, который в дальнейшем был обозначен как интериоризация. Согласно Сеченову, ребенок «выкраивает» представление о самом себе как внутреннем центре, откуда исходят его собственные команды, по образцу людей, регулировавших своими командами его действия в первую пору жизни.

«Сеченовское выведение мысли и воли из основных начал рефлекторной теории не только указывало, каким образом внутреннего «психическая среда» может сложиться из низших предметных действий. Оно вскрывало корни иллюзий, порождает

мых незнанием действительных причин психических актов — таких, например, фикций, как бестелесность мысли или способность к произвольной регуляции в смысле независимости ни от чего внешнего [стр. 282].

В книге детально прослеживаются дискуссии, которые И. М. Сеченов вел на протяжении нескольких десятилетий с представителями различных физиологических и психологических направлений и школ. Для психолога большой интерес представляет сопоставление взглядов Сеченова со взглядами приверженцев так называемой «опытной школы» — Вундта, Бэна и др. Используя письма Сеченова конца 60-х годов, когда будучи за границей, он специально занимался изучением философско-психологической литературы, автор показывает, что знаменитый спор с Кавелиным являлся по-существу скрытой критикой «опытной школы».

Материал этой и других дискуссий используется для характеристики своеобразного стиля сеченовской мысли. Попытка выяснить зависимость теоретических и конкретно-научных решений ученого от свойственного ему стиля интеллектуальной деятельности представляет большой интерес не только с исторической, но и с науковедческой точки зрения. В настоящее время развернулась разработка науковедения как

общей теории развития науки. Одним из науковедческих направлений является изучение психологии деятельности и личности ученого (так называемая «психология науки»).

Можно было бы упрекнуть М. Г. Ярошевского за то, что тщательно прослеживая процесс формирования сеченовских идей, он не уделяет должного внимания их дальнейшей индивидуальной судьбе и тому влиянию, которое они оказывали на последующее развитие психологической и физиологической мысли.

Однако правильнее оценивать работу за то, что в ней есть, а не за то, чего в ней, по мнению того или иного рецензента, не хватает. А то, что в данной книге содержится, несомненно представляет большую ценность и позволяет по-новому осмыслить творческий путь великого ученого.

Книга М. Г. Ярошевского имеет важное значение и потому, что она показывает, как может быть применен науковедческий подход к анализу узловых моментов развития физиологической и психологической мысли. Поэтому она не только существенно продвигает изучение сеченовского наследия, но и воплощает новый способ анализа личности и деятельности ученого, важный для объяснения как истории науки, так и современного уровня ее развития.

